

Люцзин в смятении взъерошил волосы, не зная, что возразить.

Яньгу сидел с безупречной осанкой. С этого возвышения каждое движение и мимика Люцзина были перед ним как на ладони. Этому человеку от рождения досталась внешность, способная свести с ума кого угодно; в изгибе бровей сквозила вечная томность, а в характере — беспечность. Эта мягкая, ленивая грация не изменилась бы и за несколько перерождений.

— Если не можешь решиться, просто разузнай всё сам, — неторопливо произнёс Яньгу. — Ведь именно ты скрыл всё от Цзюцина, так что теперь ты обязан дать ему ответ.

Люцзину меньше всего хотелось подозревать Синьи. Но Бу Вань была права: дыма без огня не бывает. Сама Вань-эр под давлением жизненных невзгод, уступив чужой заботе и теплу, когда-то полюбила другого. Если её слова — правда, и Синьи действительно знала Цюй Му ещё до встречи с Цзюцином, если они любили друг друга, то смерть Цзюцина лишь сбросила с неё последние оковы. Но можно ли верить слухам, которые дошли до Бу Вань? Неужели Синьи способна лишить жизни старых супругов Вэй только ради того, чтобы воссоединиться с Цюй Му?

Люцзин понимал, на что способны люди ради достижения своих целей. Но он верил, что существуют рамки морали и долга, через которые не переступить так просто, даже если решишься отречься от всего. И всё же полной уверенности у него не было: в конце концов, человеческая стойкость — вещь хрупкая.

Мысли Люцзина путались всё сильнее, но в итоге он склонился к совету Яньгу. Нужно всё выяснить. Только раскрыв правду, он сможет объясниться с Цзюцином. Кашу заварил он сам, значит, ему и доводить дело до конца.

Он сделал ещё пару жадных глотков прямо из горлышка. Пить так — совсем не то же самое, что смаковать из чарки: всего четыре глотка, а от кувшина осталась едва ли треть. Люцзину не хотелось тащить остатки обратно, и он вознамерился допить всё разом, как вдруг над ухом раздался строгий голос Яньгу:

— Хватит пить.

Люцзин хмельно моргнул — руки внезапно оказались пусты.

Люцзин тупо уставился на свою ладонь, затем перевёл взгляд на Яньгу, державшего кувшин, и глуповато улыбнулся:

— Хотел выпить — так бы и сказал... А то я почти всё прикончил, а тебе только объедки... Ик!

Хмельной жар ударил в голову, мысли мгновенно поплыли. Сказался коварный нрав вина из цветов туми: если пить его не торопясь, опьянение наступает мягко, но если глушить

большими глотками, оно бьёт обухом по затылку.

Яньгу глубоко вздохнул, силясь сдержать порыв. Бывают вещи, которые легко подавить усилием воли, пока разум чист. Но стоит уйти трезвости, как любое искушение становится непреодолимым. И это сейчас относилось к обоим.

Яньгу смотрел на пьяного Люцзина — на его подёрнутый дымкой взгляд, блаженную полуулыбку, лихорадочный румянец на щеках и притягательное очарование, которое тот излучал. Смотрел — и чувствовал, как хмель затапливает его собственный разум.

„Пить так пить, — отрешённо подумал Яньгу, — какая разница, как?“

Он перенял манеру Люцзина: прижал горлышко к губам, сделал глубокий глоток и небрежно отбросил кувшин в сторону. Тот с глухим стуком покатился по полу. Люцзин не успел опомниться, как над ним выросла тень. Секунда — и его губы накрыл властный поцелуй. Дыхание Яньгу, терпкий вкус вина — всё смешалось, закружилось вихрем.

— М-м... — Люцзин тихо промычал: Яньгу целовал его слишком требовательно, до лёгкой боли.

Он невольно приоткрыл рот, и Яньгу мгновенно воспользовался этим — скользнул внутрь горячим языком, вливая остатки хмельной сладости. Яньгу прижал его за затылок, заставляя безропотно принимать этот яростный натиск.

Люцзин попытался было оттолкнуть его, но куда там — воля послушно утекала сквозь пальцы. Инициатива полностью перешла к Яньгу. Сладкий цветочный аромат, дурманящий запах вина и тепло чужого тела окончательно лишили Люцзина способности соображать. Слабая попытка сопротивления как-то сама собой переросла в объятия: его руки скользнули по спине Яньгу, крепко сжимая источник своего сладкого безумия.

На следующее утро Люцзин проснулся в постели Яньгу. Их комнаты были обставлены одинаково, и он не сразу бы понял, где находится, если бы не повернул голову. Прямо рядом с ним спал хозяин терема — длинные волосы живописно рассыпались по подушке, лицо дышало безмятежным покоем.

Хмельная головная боль мгновенно улетучилась. Люцзин вытаращил глаза, отчаянно силясь восстановить картину вчерашнего вечера. Как его угораздило оказаться в чужой постели? Обрывки воспоминаний упрямо возвращали к моменту, когда они пили вино. Неужели он набрался до такой степени, что сам к нему залез? Да нет, бред какой-то. Раньше он тоже выпивал, но никогда не терял стыд настолько быстро.

Люцзин торопливо сел на постели и проверил одежду. Слава богу, всё на месте, приличный вид

сохранён. До непотребств по пьяни дело явно не дошло.

„Тьфу ты... о чём он вообще думает спозаранку!“

Люцзин легонько шлёпнул себя по щеке, чтобы окончательно прийти в себя, и спустил ноги с кровати, собираясь обуться и тихо сбежать к себе. Но сзади раздался шорох простыней — Яньгу зашевелился. Его спину обдало холодком. Он медленно, словно одеревенев, обернулся и наткнулся на пристальный взгляд тёмных глаз.

Люцзин подскочил как ошпаренный и вскинул правую руку:

— Клянусь, я ничего такого не делал!

Под этим взглядом остатки сна слетели окончательно.

Яньгу ещё не совсем проснулся. Если бы не этот панический лепет Люцзина, он бы и не заметил, что тот собрался уходить. Немного помолчав, он неспешно приподнялся на локтях. Лениво зевнув, он проговорил тихим, хрипловатым со сна голосом:

— Я знаю. Если бы ты что-то сделал, ты бы с этой кровати живым не встал.

У Люцзина бешено заколотилось сердце. Судя по тону Яньгу, соверши он ночью нечто предосудительное, Владыка действительно придушил бы его прямо здесь. И хотя вид полураздетого Яньгу — со спущенным плечом тонкой нижней рубахи, открывающей изящные ключицы, и разметавшимися волосами — был усладой для глаз, оставаться здесь он больше не решался.

— Э-э... тогда я пойду к себе? А ты отдыхай, ещё рано, — пробормотал он, торопливо хватая свои верхние одежды с вешалки.

Яньгу с самым невинным видом поинтересовался:

— Чего в такую рань вскакивать? Прилёг бы ещё.

„Пощади!“ — мысленно взмолился Люцзин. Как тут уснёшь, когда бок о бок с тобой лежит прекрасный, как цветок, Король Яма? В голову будут лезть исключительно греховные мысли.

— Нет-нет, не буду мешать твоему покою, — вежливо отказался он.

Яньгу не стал настаивать и послушно опустил обратно на подушки. Убедившись, что тот закрыл глаза, Люцзин на цыпочках, боясь издать хоть звук, выскользнул за дверь. Он

аккуратно притворил створку и пулей полетел в свою комнату, где с облегчением рухнул на собственную постель — мягкую, но совершенно холодную.

С утра пораньше получить такую встряску... Денёк обещал быть непростым. Из-за пережитого волнения голова снова налилась тяжестью — хмель всё ещё бродил в крови. Люцзин натянул одеяло до самого носа и закрыл глаза, пытаясь снова уснуть.

В его затуманенный мозг так и не пришла простая мысль: их комнаты разделяла всего одна стена, так почему же Яньгу не перенёс его в собственную постель?

Когда он снова открыл глаза, солнце уже стояло в зените.

— Проклятье, проспал! — ахнул Люцзин и взлетел с кровати.

Кое-как натянув халат, он перехватил волосы простой лентой, наскоро ополоснул лицо и со всех ног помчался к Вратам Духов.

Сегодня намечалась вырубка леса на Древнем пути густых лесов. Люцзин сам заварил эту кашу с заготовкой древесины, а значит, обязан был присутствовать. Судя по времени, работа уже кипела вовсю. Интересно, кто повёл призраков вместо него?

Не успел он миновать бамбуковую рощу у Терема Лунного Сияния, как впереди мелькнули знакомые чёрный и белый силуэты. Люцзин сбавил стремительный шаг. Заметив его, Фань Уцзю и Се Биань тоже ускорили ход. Расстояние в добрый десяток чжанов они преодолели в одно мгновение.

— Господин Судья, куда вы так спешите? — удивлённо спросил Се Биань.

Люцзин тяжело перевёл дух:

— Сегодня же должны были начать заготовку леса на Древнем пути густых лесов! Я позорно проспал. Вы не знаете, что там сейчас происходит?

Фань Уцзю поспешил его успокоить:

— Не переживайте так. Мы с братом как раз за этим и шли. Рабочих на Древний путь увёл молодой господин Хухэ. Владыка предположил, что вам нездоровится, и велел нам передать, чтобы вы хорошенько отдохнули и ни о чём не беспокоились.

Значит, делом занялся Хухэ.

— Какая неловкость... — сконфуженно пробормотал Люцзин. — Вчера немного перебрал с вином и в итоге пустил всё на самотёк.

Се Биань, чей длинный язык слегка подергивался, поправил высокую шляпу с надписью „Встретишь — разбогатеешь“ и со свойственной ему пронизательностью спросил:

— Судья, вас в последнее время что-то тревожит?

От этого проныры ничего не скроешь.

— Есть такое... — вздохнул Люцзин.

Он без утайки выложил братьям всю историю. Оба господина Непостоянства искренне сопереживали Цзюцину, а Фань Уцзю и вовсе относился к юноше с отеческой заботой. Возможно, они смогут подсказать что-то дельное.

Се Биань ненадолго задумался, а затем кивнул:

— Полагаю, Владыка прав. Нужно докопаться до истины, иначе перед Цзюцином не очистить совесть.

— Если его судьба тебе небезразлична, тем более стоит во всём разобраться, — поддержал брата Фань Уцзю. — Вечно скрывать правду всё равно не получится.

Люцзин с удивлением посмотрел на Черного господина Непостоянства и покачал головой:

— Раз уж и ты советуешь то же самое, отступить некуда. Придётся расследовать это дело.

С этими словами он развернулся и направился в сторону Призрачного рынка.

Фань Уцзю растерянно поглядел вслед Люцзину, затем повернулся к брату:

— Старина Седьмой, а что Судья имел в виду?

Се Биань ласково потрепал его по волосам и мягко улыбнулся:

— Сказал, что ты у меня умница.

Лицо Фань Уцзю озарилось широкой улыбкой:

— Надо же, а Судья-то умеет ценить таланты! Пойдём за ним, подсобим если что.

— И как ты планируешь вести поиски? — спросил Се Биань, пристраиваясь рядом с Люцзином.

Они с братом были непревзойдёнными мастерами по части ловли душ, но в распутывании земных тайн смыслили мало.

— Чтобы разузнать о делах смертных, нужно расспросить того, кто сам недавно был среди них, — загадочно ответил Люцзин.

Когда Люцзин остановился у лавки Бу Вань, торговавшей соевым творогом, Се Биань заглянул внутрь и сразу понял, кого именно Судья имел в виду под „земным призраком“.

Бу Вань ничуть не удивилась внезапному появлению Люцзина после нескольких дней отсутствия. Призраки — народ ветреный: приходят и уходят когда вздумается. Однако сопровождавшие его спутники заставили её вздрогнуть. Лица господ Непостоянства врезались ей в память навечно — ведь именно они уволокли её душу в преисподнюю. И хотя в груди шевельнулась былая обида, Бу Вань привычным жестом поставила перед гостями три чашки чая.

— Вань-эр, мне нужна твоя помощь, — окликнул её Люцзин, заметив, что она собирается уйти на кухню.

Бу Вань оглядела троицу и присела напротив:

— Из-за невестки Синьи?

Люцзин молча кивнул. Проницательности этой девушке было не занять.

— Ты вела дела с семейством Цюй. Подскажи, как быстрее и проще всего подобраться к Цюй Му?

Лицо Бу Вань осталось бесстрастным:

— Хочешь вывести всё у самого Цюй Му?

А как иначе? Идти напрямую к Синьи опасно: не ровен час, спугнёшь или обидишь подозрением, так ничего и не узнав.

— У тебя есть идеи? — спросил Люцзин.

— Цюй Му — делец до мозга костей, больше всего на свете он любит деньги, — заговорила Бу Вань. — Но заявляться к нему с мешком золота без веской причины глупо. К тому же сомневаюсь, что у тебя водятся богатства. Однако есть у него ещё одна слабость — старинные редкости. Каждое двадцать шестое число месяца он устраивает в Павильоне Первокласных Сокровищ выставку древностей, где скупает у заезжих торговцев редкие диковины. На этом его можно поймать.

Фань Уцзю восхищённо уставился на девушку. Всё-таки земные призраки разбирались в делах смертных куда лучше коренных обитателей Дифу.

Но где взять древности? У них и медного гроша за душой нет, какая уж тут старина.

— Слушай, Биань, — Люцзин с надеждой повернулся к белому посланнику. — Ты служишь в Подземном царстве уже не один век. Неужели в твоих закромах не завалилось парочки древних побрякушек?

Се Биань лишь усмехнулся своей привычной шутовской улыбкой, хотя ответил вполне серьёзно:

— Помилуйте, Судья, моя работа — души ловить, а не могилы грабить. Кое-какие золотые вещицы у меня, конечно, найдутся, но в мире живых за них и гроша не дадут — у них клеймо загробное.

Люцзин вздохнул. И то верно. Требовать ценности у двух госслужащих преисподней, которые сами едва сводили концы с концами, было верхом наивности.

Видя, как они зашли в тупик, Фань Уцзю вдруг хлопнул себя по лбу:

— Если у нас ничего нет, это не значит, что у Владыки пусто! Он ведь не призрак, золота у него куры не клюют, да и раздобыть какую-нибудь старинную вазу для него — раз плюнуть.

Люцзин изумлённо воззрился на Черного господина Непостоянства. Надо же, а ведь парень дело говорит!